

Говорят, на свете есть острова

Концерт Андрея Дойникова в Малом зале консерватории

Газета 2006-19946-с.24

Илья Овчинников

Лет десять назад автору этих строк случилось побывать на концерте «Гнесинских виртуозов» — камерного оркестра музыкальной спецшколы имени Гнесиных. Концерт оказался приятным во всех отношениях, однако самое интересное началось после: двое юных оркестрантов в артистической играли на виолончели и фортепиано лихой регтайм на тему «Спи, моя радость, усни». Тогда им оставалась еще пара лет до выпуска; ныне один из них — виолончелист в Национальном филармоническом оркестре России, другого же называет своим любимым учеником Марк Пекарский, основатель и руководитель уникального ансамбля ударных инструментов. Сегодня Андрей Дойников, о котором идет речь, — композитор, пианист, лауреат ряда международных конкурсов и молодежной премии «Триумф», стипендиат фонда имени Ростроповича и фонда «Русское исполнительское искусство», а также постоянный участник ансамбля Пекарского.

Концерты с участием команды Марка Ильича никогда не бывают скучными, однако Дойников доказал, что и один исполнитель на ударных может в течение целого вечера владеть вниманием аудитории. Программу открыл Марш для четырех литавр Эллиота Картера: трехминутное сочинение для столь удивительного состава воспринимается сначала как универ-

сальная концертная увертюра, затем как собирательный образ марша вообще, затем как пародия на все марши в целом — вроде коллективного марша, который написали в 1982 году Шнитке, Денисов и Губайдулина. Пока слушатель увлекается ассоциациями, марш перестает быть маршем, рассыпаясь на части и уходя в никуда. За исключением сочинения «Psappha» Яниса Ксенакиса с использованием самых разных ударных (ни один

из которых, кроме большого барабана, не обозначен автором), остальные номера были исполнены на маримбе (ударном инструменте, отдаленно напоминающем ксилофон).

Если на фоне фортепиано, скрипки, кларнета и других традиционных инструментов маримба воспринимается несколько экзотически, то Андрей Дойников показал, что этот инструмент ничуть не менее выразителен, нежели виолончель, флейта и челове-

ческий голос. Пьеса Джейкоба Дракмана для маримбы соло «Размышления о сущности воды», напомнившая музыку группы King Crimson начала восьмидесятых, оказалась необыкновенно образной: идеальный саундтрек для научно-популярного фильма о дальних островах. По ходу концерта инструмент вдохновлял своего повелителя все сильнее — исполняя сочинения Кейко Абэ, Андрей то приседал перед маримбой, то крался вдоль

нее, то ловеще заносил над ней палочки, словно собираясь покончить с неверной возлюбленной. Однако перформанса в этом было куда меньше, чем музыки — то виртуозно-стремительной, то нежной, то пронзительной. Кульминацией программы стала Соната Шуберта для арпеджионе и фортепиано.

Арпеджионе — непрaktичный инструмент, изобретенный около двухсот лет назад и сочетавший признаки виолончели и гитары, вошел в историю в первую очередь благодаря этому шедевру камерной музыки. Теперь Сонату облюбовали виолончелисты, хотя ее исполняют также на альте, скрипке, контрабасе, кларнете и даже тромбоне. Тембр маримбы в Сонате казался непривычным лишь первые несколько секунд: вскоре стало очевидно, что и в подобном репертуаре выразительные и технические возможности маримбы безграничны. Органичным оказалось и сочетание маримбы с фортепиано (Павел Домбровский), хотя в течение вечера не раз возникала мысль о том, что одна маримба может быть абсолютно самодостаточно в руках мастера. По свидетельству Марка Пекарского, Сонату в исполнении Дойникова высоко оценила выдающаяся виолончелистка Наталия Гутман. В финале оказалось, что группа King Crimson, как и неопитаемые острова, вспоминалась не случайно: на бис Андрей исполнил пьесу «Prelude: Song of the Gulls» с кримсоновского альбома Islands.

Фотограф: Владимир Афанасьев / Газета